

В данный момент Беренгар сидел в своём замке, и его правый глаз осматривал придворный врач Эвальд. Прошло несколько дней с тех пор, как он вернулся с поля боя, и его рана была в хорошем состоянии из-за использованных дезинфицирующих средств. Несмотря на ужасающую природу средневековой медицины, этот человек, казалось, был в некоторой степени компетентен, обучаясь в ранние годы в Византийской империи; у него был доступ ко многим более просвещённым взглядам на медицину классической эпохи и золотого века ислама. Таким образом, он внимательно наблюдал за правым глазом Беренгара, в котором был вертикальный разрез. Хотя порез был недостаточно глубоким, чтобы убить, он повредил сетчатку и, возможно, оптический нерв. Конечно, Эвальд не знал такой продвинутой информации; понаблюдав за ней, он поставил свой диагноз.

- Сам глаз заживет, хотя и будет сильно травмирован, но вы никогда больше не сможете видеть из него. Я предлагаю вам привыкнуть к жизни только с половиной вашего видения, прежде чем вы отправитесь в какие-либо дальнейшие кампании.

Получение этой новости заставило Беренгара недовольно нахмуриться; что касается Линде, то она была рядом, держа своего возлюбленного за руку на протяжении всего процесса. Она беспокоилась о результатах больше, чем сам Беренгар. В конце концов Беренгар тяжело вздохнул, прежде чем высказать своё мнение по этому вопросу.

- Такова цена моего высокомерия...

С тех пор как он был ранен, Беренгар много размышлял о своих предыдущих действиях. Несмотря на осознание опасности и способности своего брата владеть мечом, Беренгар бросился в бой, искренне веря, что сможет сразиться с Ламбертом всего за год тренировок. В конце концов, он одерживал подавляющие победы во всех своих предыдущих конфликтах; как же этот конфликт мог быть другим? Такое высокомерие дорого ему обошлось. Цена победы Беренгара над Тевтонским орденом была высока; он потерял в битве около 3000 человек, своего верного скакуна Эрвина, а также функцию своего доминирующего правого глаза. Выслушав, что хотел сказать Эвальд, Беренгар отпустил его, где он остался наедине с Линде, которая наложила свежую повязку, покрытую основной мазью с антибиотиками.

С того дня, как алхимики прибыли в Куфштейн и начали изучать химию, Беренгар поручил им больше, чем просто создание тротила; на самом деле, большое количество химических веществ, которые они производили благодаря знаниям Беренгара из будущего, предназначалось для медицинских целей. Такие как неомицин, бацитрацин и полимиксин, которые были антибиотиками, использовавшимися в безрецептурной мази с антибиотиками в предыдущей жизни Беренгара. Худшей частью подобной травмы была возможность заражения; поэтому Беренгар предпринял большие профилактические меры с помощью многократных дезинфицирующих средств и мази с антибиотиками. Если бы его рана заразилась, вероятность смерти была высока, и поэтому он хотел избежать такого исхода в столь раннем возрасте.

Наложив покрытую мазью повязку на раненый глаз Беренгара, он начал горько смеяться, решив использовать своё самоуничижительное чувство юмора, чтобы преодолеть неловкое молчание.

- Я всегда думал, что буду хорошо смотреться с повязкой на глазу...

Это заставило Линде усмехнуться, когда она крепко обняла Беренгара и кивнула, пытаясь успокоить его.

- Во всяком случае, это прибавит тебе царственного вида!

Произнеся эти два замечания, пара вернулась к неловкому молчанию, после чего некоторое время неподвижно сидела в спальне. Хотя Линде была очень обеспокоена травмой Беренгара, она была просто благодарна, что он всё ещё жив; в конце концов, если бы лезвие вошло немного глубже в его глаз, оно могло бы убить его. Хотя она знала, что ранения и смерть возможны на поле боя, Беренгар всегда возвращался домой целым и невредимым в своих предыдущих кампаниях. Из-за этого возникла естественная склонность игнорировать такую возможность. И всё же здесь он был безвозвратно ранен на поле боя; это заставляло её быть благодарной за то, что её мужчина выжил, и поэтому она хотела утешить его в трудную минуту. Беренгар, однако, воспринял это как унижительный опыт, из которого он мог извлечь ценный урок. В конце концов, у него всё ещё был один глаз; таким образом, он всё ещё мог нормально функционировать, как только выздоровеет.

На данный момент Беренгар должен был пройти фазу восстановления; он оставит управление Королевством своему канцлеру Лютберту и рудиментарной парламентской системе, которую он имел. В данный момент у Беренгара было две проблемы, одна из которых касалась изготовления его новой чаши. В настоящее время он не собирался сообщать Генриетте, что Ламберт приехал в Тироль, чтобы причинить ему вред. Вместо этого он сфабриковал бы письмо от Тевтонского ордена, «информирующее» семью фон Куфштейнов о смерти Ламберта в праведном крестовом походе. Его родителям-пенсионерам и младшей сестре не нужно было знать о действиях Ламберта или о том факте, что его череп стал любимой чашкой для питья Беренгара.

Другой проблемой было создание изысканной повязки на глазу; поэтому он начал разрабатывать чёрную бархатную повязку на глазу с золотой вышивкой, которая, несомненно, идеально соответствовала его царственной внешности. После того, как он был завершён, он отправил дизайн своим портным, которые изготовили изделие для него вручную. Изготовление его чаши и повязки заняло несколько дней, и к тому времени, когда Беренгар получил их, он был вполне доволен результатами.

Чаша с черепом была выдолблена и обмакнута в золото, черные гранатовые драгоценные камни были инкрустированы под краем чаши и в нижней части подставки, которая плавно выступала из ножки черепа, как будто весь кусок на самом деле был сделан не из человеческого черепа, а вырезан из самого куска золота. Мастерство было высочайшего качества, и Беренгар остался доволен результатом.

Что касается повязки на глазу, то она была именно такой, какой он её себе представлял, и к тому же являлась произведением искусства. Повязка на глазу была аксессуаром, прикрывавшим его ужасно раненый глаз, который уже начал заживать; в течение нескольких недель рана на самом глазу будет восстановлена, но определенно останутся шрамы на зрачке и

радужной оболочке. Что касается остальной части шрама, то его части всё ещё были видны над и под повязкой на глазу, что, по мнению Беренгара, придавало ему достойный вид. В целом рана не испортила его внешности; во всяком случае, это сделало его более ярким и авторитетным; Беренгар был вполне доволен тем, как всё обернулось. Если бы он был ранен в другое место на лице, это повлияло бы на его дьявольски красивую внешность.

Линде, которая была рядом, увидела, как Беренгар осматривает себя в зеркале, и хихикнула, наблюдая, как мужчина, которого она любила, примеряет повязку на глазу, как будто он был девочкой-подростком, готовящейся к свиданию. Заметив, что за его действиями наблюдали без его ведома, Беренгар решил пошутить по поводу всей ситуации.

- Тебе придётся предупредить меня в будущем, когда ты будешь вот так подкрадываться ко мне; мое периферийное зрение уже не так хорошо, как раньше...

Услышав, как Беренгар так небрежно пошутил о своём состоянии, Линде почувствовала меньше грусти по поводу травмы возлюбленного; Беренгар быстро смирился со своей судьбой и поклялся извлечь уроки из этого опыта. Тем не менее, Линде провела последние несколько дней, думая, как будто это она была ранена. В конце концов, она чувствовала, что то, что случилось с Беренгаром, случилось и с ней; таким образом, Беренгар провёл большую часть своего выздоровления, утешая Линде, несмотря на то, что сам был ранен. Сердца женщин были сложным существом, и Беренгар делал всё возможное, чтобы ориентироваться в его бурных морях. Тем не менее, теперь, когда Беренгар впервые после ранения изобразил на лице улыбку, Линде почувствовала, что её дух тоже поднимается; поэтому она начала тепло улыбаться, отвечая на замечания Беренгара.

- Я подумаю об этом. Как поживает твой глаз?

Беренгар улыбнулся, глядя на себя в зеркало:

- Всё будет хорошо, просто нужно ещё несколько недель для заживления.

Поэтому Беренгар снял повязку с глаза и заменил её чистой повязкой. Пока что повязке придётся подождать; несмотря на то, как здорово она выглядела, исцеление было более важным приоритетом, чем эстетика.

В конце концов прошли недели, а Беренгар так и не сообщил Аделе о своей травме. Пока он полностью не выздоровеет, он не будет беспокоить девочку; в конце концов, она может совершить какую-нибудь глупость, например, сбежать из безопасного замка своей семьи и в одиночестве отправиться по дорогам в Куфштейн в эту опасную эпоху гражданских беспорядков. Таким образом, он проводил много времени с Линде и их ребёнком Гансом. Беренгар был очень доволен временем, которое он провёл в течение недель своего выздоровления, так как обычно он был так ужасно занят, что не мог проводить со своей семьёй столько времени, сколько хотел.

Время, проведённое им со своей семьёй, было наполнено блаженством, и, честно говоря, он

был благодарен за передышку от шума и суеты жизни Тирана. Дела в Королевстве шли гладко, но в конечном счёте ему пришлось бы сократить свой отпуск, поскольку последствия битвы с Тевтонским орденом были намного сильнее, чем он первоначально предполагал.

<http://tl.rulate.ru/book/62356/2436963>